святыя вселенския соборныя апостольския церкви Пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Успения иж вместо римския и константинопольския просиавшу, стараго убо Рима церкви падеся неверием аполлинариевы ереси, втораго Рима, Константинова града церкви, Агаряне внуцы секирами и оскордъми разсекоша двери, сиа же ныне третиаго, нового Рима, дръжавнаго твоего царствия святая соборная апостольская церкви, иж в концых вселенныя в православной христианстей вере по всей поднебесней паче солнца светится, — и да вестъ твоя держава, благочестивый царю, яко вся царства православныя христианския веры снидошася в твое едино царство: един ты во всей поднебесной христианом царь» [БЛДР. 2000. Т. 9. С. 300, 302].

Василий III не имел официального титула *царь*, которым был титулован в 1547 г. его сын Иван. Так что в послании старца Филофея соединились не только распространенные в европейской христианской политической и исторической мысли идеи «перенесения империи» (*translatio imperii*), программа трансформации великого княжества в царство, но также концепция особого значения России в православном мире. Поэтому теория «Москва — третий Рим» активно использовалась в русской письменности первой половины XVI в., а после учреждения в 1589 г. в Москве патриаршества — в официальных документах и в идеологизированных литературно-публицистических произведениях [Гольдберг А.Л., Дмитриева Р.П. 1989. С. 471–473].

Идейные комплексы генеалогических связей русских великих князей и царей с Прусом и римским императором Августом, происхождения великокняжеских и царских регалий, теории «Москвы — третьего Рима» были свойственны средневековым общественно-политическим представлениям. Все они в равной мере не имели научного содержания. В идеологии великого княжества Московского и Российского царства в XVI–XVII вв. они приобрели большое функциональное значение. Поэтому их наличие и отсутствие в русских исторических произведениях второй половины XVII в. может свидетельствовать о мереследования идеологическим мифам средневековья, освобождения от них, а также о содержании процесса эволюции исторических знаний в тот период.

4. Польская и австро-немецкая «Россика» XV–XVII вв. о начале Руси

Кроме средневековых русских идеологизированных мифов был еще один фактор, который воздействовал на содержание исторических произведений в России середины — второй половины XVII в. и позднее: польская и австро-немецкая «Россика» XV–XVII вв.

«Россика» — библиографический термин, обозначающий иностранную литературу, посвященную истории и культуре России. Эта литература

отражала значительный интерес на Западе к огромному государству, расположенному на безграничных пространствах Восточной Европы и северной части Азии. Для Польши, Австрии и Германии это была эпоха перехода от позднего средневековья к Возрождению. Хроники и анналы уже не соответствовали новым запросам в изложении исторических событий. Вместо свойственного им последовательного изложения произошедшего в причинно-следственных связях теперь требовалось его осмысление. В этих странах началось углубленное изучение отечественной истории. В Польше оно стимулировалось ростом ее военно-политической активности, территориальным расширением, формированием нового государственного образования — Речи Посполитой — вследствие династической и политической унии королевства Польского и великого княжества Литовского. Австрия начала играть активную роль в Священной Римской империи, а ее правители Габсбурги с 1438 г. постоянно избирались императорами. В борьбе с натиском Османской империи Австрия стала многонациональным государством, включившим в свой состав и славянские народы.

Те, кто изучал древнейшее прошлое Польши и Австрии, обращались в соответствии с идеями эпохи Возрождения к античному наследию. В известиях античных и раннесредневековых авторов они обнаруживали на землях своих государств в древности германцев, сарматов и скифов. Если для немцев и австрийцев в XV–XVII вв. их этногенетическая преемственность по отношению к древним германцам была очевидной, то для поляков возникла сложная проблема определить этногенетические связи славян, к которым они себя обоснованно относили, с сарматами и скифами.

Во второй половине XV в. в Польше и Австрии стало проявляться внимание к образовавшемуся политически единому Русскому государству и к его истории. Не учитывая их, уже нельзя было вести активную политику в Центральной и Восточной Европе.

Постоянные научные и культурные связи Польши, Австрии и других стран Центральной и Западной Европы, основу которых составляли университеты, новые традиции культуры Возрождения и книгопечатание, позволяли активно обмениваться новыми идеями и знаниями. Так что сведения одних авторов о России достаточно быстро становились известны их коллегам в других городах и странах. Источником такой информации являлись, кроме античной традиции, те, кто побывал в России, русские летописи, а также жители и письменность украинских и белорусских земель, которые входили в состав королевства Польского и Великого княжества Литовского.

Первым таким историком стал Ян Длугош (1415–1480). Его отец шляхетского сословия добился среднего уровня достатка и знатности. В 1431 г. Длугош начал служить в канцелярии краковского епископа, выдающегося политического деятеля и канцлера Краковского университета Збигнева Олешницкого (ум. 1455) и в 1436 г. был назначен каноником. Длугош стал

секретарем и близким доверенным лицом Олешницкого. После смерти епископа король Казимир IV Ягеллончик (великий князь литовский (1440–1492), король польский (1447–1492)) привлек его к дипломатической деятельности. В 1467 г. он поручил Длугошу воспитание своих детей.

В числе многих литературных трудов Я. Длугоша находится его монументальное произведение в пяти томах — «История Польши» (сейчас ее по старшему списку называют «Анналами»). Он начал работать над этим сочинением в 1455 г. и завершил его в первой редакции в 1465–1466 гг. Позднее он неоднократно возвращался к своему труду, дополняя и редактируя написанное. Изложение событий доведено в нем до 1480 г. При написании своего труда Длугош использовал многочисленные польские хроники и анналы, агиографические источники, актовые материалы [Шавелева Н.И. 2004. С. 11–23].

По наблюдениям исследователей, в распоряжении Я. Длугоша находились также русские летописные памятники: летопись типа Лаврентьевской; произведение, относившееся к группе Софийской I — Новгородской IV летописей; южнорусский источник, сходный с Ипатьевской летописью; западнорусская летопись. Конкретизируя эти наблюдения, Б.М. Клосс предположил, что Длугош имел в своем распоряжении Южнорусский летописный свод первой трети XIII в., отредактированный в соответствии с интересами смоленского княжеского дома, и Смоленский летописный свод, основу которого составили Радзивиловская (в раннем списке) и Софийская I летописи. Последняя была дополнена по Новгородской IV и Новгородской I летописям [[Клосс Б.М.] 2004. С. 34, 40–52; см. там же литературу вопроса].

Как историк, Я. Длугош, утверждая равную значимость Польши с другими европейскими странами, возвел поляков вслед за средневековыми летописцами к сыну библейского Ноя Иафету. Он писал о поляках как об известных с античной древности сарматах или их преемниках. Карпаты, по Длугошу, — Сарматские горы. Возможно, на такое изложение древнейшей истории воздействовала не только ученая традиция, но также теория, отождествлявшая предков поляков с сарматами, развившаяся в Польше в политизированное идейное направление «сарматизм». Здесь и далее приведены те сюжеты в трудах Длугоша, последующих польских и австро-немецких авторов, которые станут темами острых дискуссий в российской историографии XVIII в. Дальнейшее повествование о русской истории в сочинении Длугоша также следует за летописными сводами, но с особенностями авторского изложения.

Исходя из сходства названий славян *венедов*, о которых писали ранне-средневековые авторы VI–VII вв., и германцев *вандалов*, которые обитали на территории современной Длугошу Польши ок. 400 г. н. э., историк назвал и вандалов предками поляков, которые лишь изменили ныне свое название. Такому отождествлению способствовало также сходство этнонима *вандалы* с немецким названием славян *Wenden*. Не называя хорошо известную ему

Великую, или Великопольскую, хронику (XIV в.), Длугош возразил против отождествления в ней славян и германцев, утверждая, что предками русских и поляков являлись *скифы*, поскольку античные авторы называли *Скифией* земли между Танаисом (Доном), Эльбой и Вислой. Если в Великой, или Великопольской, хронике утверждалось величие славян вследствие их происхождения от могущественного прародителя Пана, у которого было три сына — Лех, Рус и Чех, правители трех королевств — лехитов, русских и чехов, то Длугош, утверждая особое значение Польши, настаивал на том, что Рус — не брат Леха, а его потомок (*nepos* — внук, потомок, племянник). Если автор Великой хроники в продолжение своей концепции равного значения лехитов, русских и чехов возводил их языки к одному отцу Славу, к которому он возводил и название славян, то Длугош в утверждение первенства лехитов уже не касался этой темы, которая русских ставила в такое же равное положение к Славу и славе [«Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. 1987. С. 52–53].

В продолжение таких этногенетических размышлений Я. Длугош отождествил по созвучию германское племя ругов с руссами, которые в средневековой латиноязычной литературе с XII в. стали называться *Rutheni*, а Русь — *Ruthenia*. Поэтому он написал об Одоакре, который во второй половине V в. победил ругов, как о русском. По Длугошу, во главе русского войска он совершил поход в Италию и занял Рим. Лишь после победы Теодориха и готов над Одоакром у русских было отнято королевство Италии. В изложении этих событий Длугош допустил значительные несоответствия историческим фактам.

Кроме приведенных ранее этногенетических идей и экскурса о походе русского войска в Италию, Я. Длугош написал о древнейшем прошлом Руси в соответствии с летописными текстами, восходившими к ПВЛ, о Кие, Щеке, Хориве и сестре их Лыбеди, а также о появлении у «некоторых племен руссов» («nonnullae Ruthenorum nationes», Н.И. Щавелева перевела эти слова как «некоторые русские народы») трех князей от варягов. В изложении Длугоша летописное повествование приобрело ряд особенностей, свойственных восприятию польского историка в XV в. По его словам, Кий с братьями и сестрой выделялись умом и силой. Поэтому они добились главенства в своем роде и подчинили прочих своей власти. От них произошли прочие племена. Они возвели в России (in Russia) три главнейших крепости, названных по их именам. Кроме эти князей Длугош назвал и «других князей поляков» («alii Polonorum duces») — Радима и Вятко, которые названы в летописях, восходивших к ПВЛ, «от рода Ляхов». От них произошли радимичи и вятичи. «Оскальд» и Дир, по Длугошу, — потомки Кия, Щека и «Корева». Но во время их княжения в Киеве «некоторые племена руссов», «тяготаясь их княжением, приняли трех князей от варягов, поскольку из своих они не пожелали выбрать никого из-за [их] равенства [с собой]». «Рурек», «Шиниев» и

«Трубор» сели в Киеве, Белоозере и в «Сборске» (т. е. Изборске) [*Щавелева Н.И.* 2004. С. 67–69, 71–73, 78–79, 213–215, 219, 220, 225–226, 369–370, примеч. 32; С. 371, примеч. 36, 37, 39; С. 371–372, примеч. 42].

Другой краковский каноник, младший современник Я. Длугоша Мацей Меховский (1457–1523) происходил из бедной городской среды. Обучение в Краковском университете и последующая работа в 1480–1485 гг. в Пражском, немецких и итальянских университетах сформировали из него великолепно подготовленного ученого в звании доктора медицины. После возвращения в Краков он стал профессором университета. В 1501–1519 гг. он девять раз избирался его ректором и два года становился его вице-канцлером. Канцлером университета был краковский епископ.

В традициях эпохи Возрождения интересы М. Меховского многообразны. Поэтому, кроме трудов по медицине и астрологии, он — автор двух исторических произведений: «Польской хроники» и «Трактата о двух Сарматиях». Меховский активно использовал при их создании рукописи еще не опубликованных «Анналов» Я. Длугоша. В первой части «Хроники» он повторил труд Длугоша, но в его продолжении до 1506 г. Меховский самостоятелен. Иначе, чем Длугош, он композиционно расположил материал и более точен в хронологии. Если труд Длугоша впервые и неполностью был опубликован только в 1615 г., то «Хроника» Меховского, впервые изданная в 1519 г., стала не только первой напечатанной историей Польши, но сделала доступными для читателей материалы и идеи Длугоша. «Трактат о двух Сарматиях» был впервые опубликован в 1517 г. и в том же столетии неоднократно переиздавался, в том числе в немецком, польском и итальянском переводах.

При написании «Трактата» М. Меховский использовал, кроме сочинений Длугоша и других писателей раннего Возрождения, многочисленные произведения античных и средневековых авторов. Знал он и о «славянских хрониках», следы которых, впрочем, в «Трактате» не прослеживаются. Но он располагал сведениями о Руси и Московии по рассказам иностранцев, в том числе и поляков, от людей, бежавших в Литву и Польшу, а также от русских пленных в Польше.

Тему «Трактата» М. Меховский избрал для своего времени актуальную — написать о народах, которые живут к востоку от Польши, а также о землях, которые они занимают. В соответствии с античной традицией, прежде всего географическим трудом Клавдия Птолемея (II в. н. э.), он писал о Сарматии Европейской и Сарматии Азиатской. Европейская Сарматия — земли Восточной Европы до Дона, Азиатская Сарматия — к востоку от Дона. Азиатскую Сарматию он называл еще Скифией.

«Трактат о двух Сарматиях» М. Меховский начал с повествования о Батыевом нашествии. Ему было важно напомнить эту тему в условиях постоянных столкновений Польши с Османской империей и крымскими татарами. Меховского привлекало изложение событий нового для него времени.

Вопросы этногенетические и древней истории он излагал более по Длугошу, внося в его текст определенные коррективы. Он охотно писал о германских племенах и о славянских народах. В подтверждение своих слов о значительном расселении славян и распространенности славянского языка он добавил: «Теперь, впрочем, уже и литовцы говорят по-славянски». В числе славян он назвал рутенов, население Юго-Западной Руси, и московитов — население Московского государства [Меховский М. 1936. С. 2–20, 72–73, 78–79, 152–153, 158; С. 201, примеч. 2; С. 242, примеч. 143].

Такое деление ранее обобщающих в средневековой латиноязычной литературе названий: *Россия* — *Russia*, *русские* — *rutheni* и *Московия*, *московиты*, *моски* — *Moscovia*, *Moscovia*, *moscoviti*, *mosci* — рассматривается в научных исследованиях как следствие польской традиции, которая с начала XVI в. стремилась сохранить названия *Русь*, *рутены* только за теми русскими землями, которые находились под властью Великого княжества Литовского и королевства Польского [Хорошкевич А.Л. 1980. С. 83–84; Kämpfer F. 1996. S. 12–13; Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы. 1997. С. 207–208, примеч. 10; см. в этих работах историографию проблемы].

Такое стремление к политическому и церковному противопоставлению русских земель, без сомнения, тогда имело место. Но, видимо, надо учитывать, что для появления последовательного разделения древнего хоронима и политонима *Russia* и нового *Moscovia* в общественном сознании и политическом мышлении народов других стран Европы существовал объективный фактор — появление в великое княжение Ивана III могущественного государства со столицей в Москве. Поэтому для многих общественных слоев, от правителей до купцов, в странах к западу от России к началу XVI в. сформировались новые этнополитические и лингвистические реалии — *Московия* и *московиты*. Этот исторический факт был очевиден для венецианского посла Марка Фоскарино, который находился в Москве в 1557 г. Он писал в своем «Историческом сказании о Московском государстве»: «Названия Московия и москвитяне — недавнего происхождения». О Московии он писал как об огромной стране. По его словам, она «тянется в восточном и северном направлении к Скифскому морю; расположена между Польшей и Таврией и простирается до жертвенника Александра Великого, что у истоков Танаиса у самого края земли» [Иностранцы о древней Москве. 1991. С. 50].

Для указания древности России (*Russia*) М. Меховский в отличие от Я. Длугоша не написал о князе-эпониме Русе, хотя ранее, сообщая о древних поляках и чехах, он указал их предков, Леха и Чеха. В поисках соответствия современным этногеографическим реалиям античных истоков он отождествил Россию с хорошо известной по трудам древнегреческих и римских авторов землей сарматского племени роксоланов, которые кочевали между Днепром и Доном: «После сказанного о Сарматии Скифской, называемой Скифией, нам остается сказать о Сарматии Европейской. Первой тут перед нами лежит Рус-

сия, некогда называвшаяся Роксоланией». Московия для Меховского — часть Европейской Сарматии. Но подчиненные великим князем Московским Иваном Васильевичем северные и восточные неславянские земли — Пермь, Башкирия, Чиремисса, Югра и Корела (в порядке перечисления Меховским) — это Скифия [Меховский М. 1936. С. 94, 112, 117, 172, 189, 193]. Других обоснований древности этих стран и народов, кроме соотнесения современных и античных этногеографических реалий, Меховскому было не нужно.

В установлении исторической преемственности античных роксоланов и современных рутенов М. Меховский следовал за формирующейся традицией. Книжники эпохи Возрождения соотносили современную этнополитическую действительность с античной картиной мира. По территориальному совпадению и созвучию, впрочем, со значительной относительностью, они отождествили Россию и Роксоланию. Поэтому итальянский современник Меховского Рафаэль Маффеи (1455–1522), прозванный Волатеран, уверенно писал: «Роксоланы у Плиния и у Птолемея, роксаны у Страбона, ныне же рутены» [Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы. 1997. С. 208–209, примеч. 15].

Шваб Иоганн Фабри (1478–1541), который первоначальное образование получил в Констанце и Ульме, учился в университетах Фрейбурга и Тюбингена, служил при дворе эрцгерцога Фердинанда, совершил успешную церковную карьеру, завершённую в 1530–1540 гг. в качестве епископа Вены, в 1525 г. издал трактат «Религия московитов». Хотя он был посвящен церковным вопросам, Фабри кратко написал и об их истории, ссылаясь на знаменитых античных авторов: «Итак, я нахожу, что народы, теперь называемые нами общим именем московиты (*Moscovitas*), некогда, по свидетельству Плиния, именовались роксоланами (*Roxolanos*), коих, однако, Птолемей, изменив немного букву, на восьмой карте Европы называет росоланами (*Rosolanos*), а равно и Страбон. Они же давно уже зовутся рутенами (*Rutheni*). И они суть те самые народы, которые некогда, по сообщению Страбона, стойко сражались с полководцами Митридата Антипатора. Нынче же из того, что я упоминал прежде, ничто так сильно не изменилось со временем, как названия стран и областей. Из-за того, что царский град всей области их назван Москвой, они и сами приняли имя московитов; некоторым же, подобно Волатерану, угодно производить оное от реки Москвы; как бы это имя ни производить, не столь важно, лишь бы смысл имени был ясен» [Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы. 1997. С. 135–217; текст и перевод см. там же, с. 146–147, 175]. В тексте Фабри особый интерес представляет стремление автора выявить сведения о подвигах роксоланов, античных предков современных рутенов, указать на их географическую преемственность.

Таким образом, западная традиция Ренессанса в соответствии с историческою и художественною концепцией своего времени, возрождавшей, в частности, античное наследие, стала проследивать в роксоланах античные

начала не только *России* и *русских* по созвучию, но также *Московии* и *московитов* по территориальной преемственности. Эти суждения формировали систему исторических знаний той эпохи. Впрочем, этимология этих названий страны и народа пока не рассматривалась.

К данной теме обратились другие современники М. Меховского, И. Фабри и итальянского филолога и путешественника Волатерана. Нидерландец Альберт Кампенский (1490?–1542), который учился в университетах Лувена и Кельна, некоторое время преподавал в Париже, а с 1522 г. находился на службе у римских пап, написал в 1523 или 1524 г. трактат о Московии. Вслед за М. Меховским он сообщал о землях Восточной Европы как о двух Сарматиях. В соответствии с книжными познаниями он писал о ее географических названиях, используя античную номенклатуру. Новым в труде Альберта Кампенского стало отождествление по созвучию современных ему москвитов с восходившими к сыну Иафета Мешеху мосхами (москами), так что Московию он назвал в соответствии с античными ассоциациями «страной мосхов» (*Moscovum regio*) [Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы. 1997. С. 63–134].

К такому же мнению пришел итальянец Павел Йовий (1483–1552). Он учился в университетах Падуи и Павии. С 1512 г. Йовий находился в Риме и служил при дворе четырех пап. С 1551 г. он переехал во Флоренцию к своему покровителю герцогу Козимо I. В 1525 г. Йовий издал «Книгу о посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту VII». В ней он использовал многие сведения о России великокняжеского посла Дмитрия Герасимова. Этот труд имел значительный успех у читателей и многократно переиздавался в XVI в. на латинском и в переводах на национальные языки [Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы. 1997. С. 217–306].

В соответствии с системой взглядов своего времени П. Йовий, собираясь написать о современной ему Московии, обратился к античным авторитетам, но предупредил, что «прежде всего сжато и кратко описано будет положение страны, очевидно, мало известное Плинию, Страбону и Птолемею». Впрочем, Йовий продолжал следовать античным образцам. Географическое расположение Московии он изложил в соответствии с античной номенклатурой, конкретизируя местопребывание и древних предков москвитов мосхов: «Имя москвитов (*Moscovitarum*) стало известным недавно, хотя Лукан упоминает о мосхах (*Moschis*), смежных с сарматами, а Плиний помещает мосхов (*Moschos*) при истоках Фасиса выше Евксина к востоку. Страна их весьма обширна, простирается от жертвенников Александра Великого, что находятся у истоков Танаиса, до самого края земель у Полунощного океана почти на самом севере». На восток от москвитов, относившихся к сарматскому миру, он поместил скифов-татар, образ жизни которых он характеризовал в соответствии с античными реалиями: «С востока соседями Московии (*Moschovia*) являются скифы, ныне именуемые татарами (*Tartari*), народ

кочевой и во все века славный своей воинственностью. В качестве домов татарам служат повозки, крытые волоками и кожами; за этот образ жизни древний мир назвал их амаксовиями». Скифскими народами называл знаменитый географ Себастиан Мюнстер (1489–1552) в своем труде «Всеобщая космография» (первое издание в 1544 г.) население северных и восточных земель, подчиненных «государю московитов» [Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы. 1997. С. 317–318, 329, 340].

В отличие от И. Фабри П. Йовий согласен с тем, что нынешнее название московитов происходит, как и название их главного города, от реки Москвы. Но в соответствии с трудом Птолемея, добавил Йовий, они именовались модоками. Сообщая о беседах с Дмитрием Герасимовым, он написал о своем вопросе послу, не сохраняется ли устная память в его народе о готах, которые разрушили и Римскую империю, и город Рим тысячу лет назад, т. е. в VI в. По словам Йовия, Дмитрий ему ответил, что «имя готского народа и царя Тотилы славно у них и знаменито, и что для этого похода собралось вместе множество народов и преимущественно перед другими московиты». В комментарии к этому заявлению московского посла О.Ф. Кудрявцев привел мнение Е.Е. Замысловского, в соответствии с которым в словах Герасимова прослеживается желание подчеркнуть «всемирное значение русской народности» [Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы. 1997. С. 230, 234–235, 258, 264–265, 271, 299, примеч. 69; Тотила (541–552) — король остготов, который в 546 и 549 гг. смог захватить Рим и подчинить своей власти почти всю Италию].

По мнению О.Ф. Кудрявцева, П. Йовию был неизвестен труд Альберта Кампенского «О Московии», написанный незадолго до того при папской курии, вследствие его секретности [Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы. 1997. С. 219–220]. Если это мнение верно, то обращает на себя внимание совпадение в их сочинениях указаний античных мосхов в качестве исторических предшественников современных московитов. Можно предположить, что в среде книжников папской курии к середине 20-х гг. XVI в. существовала мысль о такой исторической преемственности. Это была попытка в представлениях эпохи Возрождения дополнить по созвучиям прежние постоянные сопоставления руссов, рутенов с античными роксоланами объяснением аналогичным образом новой европейской политической реальности — появление Русского государства со столицей в Москве. Это государство, получившее на Западе название *Московия*, институировалось в ряду других европейских стран, уже имеющих реальные или вымышленные античные истоки, посредством указания своих столь же значимых корней в упоминаемых античными авторами мосхах. В таком объяснении соединились политика, идеология и попытка объяснить исторические явления посредством недоказанных сопоставлений и народной этимологии, основанной на созвучиях.

Во второй четверти XVI в. идеи об исторических связях московитов с мосхами начали распространяться в среде европейских книжников и развиваться.

Светская ренессансная идея об античных корнях москвитов в историческое время была дополнена в католической среде представлениями о появлении предка москов во время библейское. Так что гданьский сенатор Антон Вид в карте Московии, составленной им между 1537 и 1544 гг., и пояснениях к ней учитывал опыт предшествующих авторов, как ныне устанавливаемых, так и неизвестных. Московия, по его словам, занимает часть Европейской Сарматии, большую часть Сарматии Азиатской и «вступает в пределы Скифии по направлению к Геллеспонту». В кратком экскурсе, посвященном происхождению москвитов, он написал: «Родоначальником народа был (как и само имя обнаруживает) Моск (Moscus), Ноев внук от [его] сына Иафета. Ведь Бероз свидетельствует, что колонии москов (Moscus) были выведены одновременно в Азию и в Европу. Того, что моски обитали в Азии, в восточной части Евксинского моря, свидетелями являются Иосиф, Страбон, Мела и многие другие, отчего — ведь весьма близко к этим местам расположена наша Московия (Moscovia) — правдоподобным выглядит предположение о том, что моски действительно оттуда перенесли свое местопребывание в Европу, или часть [их] осталась там [на прежнем месте], а другие отбыли в эту нашу [сторону]. Если некоторые станут утверждать, будто москвиты — это те, кого Пто[лемей] именует модоками, я не буду возражать, но пусть эти люди поразмыслят, не было ли случайно по ошибке написано вместо мосохов модоки. Евреи ведь Моска называют Мосох» [Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы. 1997. С. 307–316; текст и перевод, С. 309, 311, 313–314].

Таким образом, идея установления предков москвитов в античной древности как мосохов (москов) не только сохранилась, но и развивалась, удревняясь в охвате времён и привлекая в поле своей интерпретации все более обширные территории. В условиях формирования единого Русского государства со столицей в Москве она дополнила ранее существовавшую теорию исторической преемственности России и рутенов от роксоланов. Эти идеи выражали стремление осмыслить в эпоху Возрождения начала Русского государства в едином историческом контексте европейских стран, возводя эти начала к одному истоку античного периода на уровне подразумеваемых исторических традиций и созвучий этнонимов. Но такие наблюдения подвергались воздействию клерикальных идей, сохранявших традицию возведения народов или эпонимов к библейскому времени, вследствие чего князь Рос усматривался в библейской книге пророка Иезекииля, а родоначальник мосохов — в сыне Иафета Мосохе.

Впрочем, в Италии третьей четверти XVI в. уже было известно, что «герцогству» Московия «и его городу Моска дала имя река, проходящая посередине города». Так написал в «Рассуждении о делах Московии» венецианский посол Франческо Тьеполо (1509–1580), который в Московии не был, но собрал о ней и ее истории обстоятельные сведения [Иностранцы о древней Москве. 1991. С. 57].

В таком сложном состоянии идей о началах Русского государства дипломату Сигизмунду Герберштейну следовало определить свое отношение к изучению этой темы. Австриец барон Герберштейн (1486–1566) родился в Крайне, вырос в Крайне и Истрии, где находились владения его отца. Это была многоэтническая среда. Его матерью была словенка. Поэтому, кроме немецкого, он владел славянским языком. Вероятно, знал он также итальянский. Учился Герберштейн в Венском университете, но в 1506 г. должен был его оставить в связи с материальным положением семьи. Так что продолжил он свою деятельность на военной и дипломатической службе четырьмя императорам — Максимилиану I, Карлу V, Фердинанду I и Максимилиану II. В 1515 г. Герберштейн стал членом Придворного императорского совета. По долгу службы он исполнял дипломатические поручения в разных странах Центральной и Восточной Европы, в том числе в 1517 и 1526 гг. в России, которая стала союзницей Священной Римской империи, а также в Турции.

С. Герберштейн собирал материалы для своего труда «Записки о Московии», изучая труды предшественников, картографические материалы, используя собственный опыт и получая сведения в беседах, в том числе с русскими людьми, литовскими и польскими информаторами. Перед путешествием в Россию в 1517 г. он прочел «Трактат о двух Сарматиях» М. Меховского. Ему были известны польские анналы, «Польская хроника» Меховского. Перед вторым посольством в Россию эрцгерцог Фердинанд дал Герберштейну в 1526 г. недавно изданный труд И. Фабри «Религия московитов».

Когда С. Герберштейн находился в русских землях, он проверял и уточнял сведения своих предшественников. Труд Меховского оказал влияние на деление его сочинения на историю страны и ее описание, а также на его различие «Руссии» и «Московии». С Фабри Герберштейн полемизировал. Находясь в России, он ознакомился с содержанием русских летописей, жалованных грамот, судебника 1497 г. и других произведений русской письменности, которые были ему прочитаны. Первое издание «Записок» было осуществлено в 1549 г., но в последующие их издания и переводы вносились определенные исправления и дополнения [450 Jahre Sigismund von Herbersteins Rerum Moscoviticarum Commentarii 1549–1999. 2002; *Герберштейн С.* 2008. Т. 2. С. 49–258; см. там же литературу].

С. Герберштейн начал свои «Записки» с объяснения названия «Россия». Одно мнение о его происхождении он привел в соответствии с преданием о трех братьях — Русе, Лехе и Чехе. Чеха, впрочем, он не назвал. Привел он также мнения о происхождении этого названия от города Русы и от того, что жители страны русые. Последнее мнение он, видимо, понял как *темноволосые* в сравнении с блондинами («a fusco eius gentis colore»). В последнем по времени переводе Малеина–Назаренко эта фраза переведена как «смуглость жителей», хотя в комментарии цвет — *fuscus* — *темный, чернобурий, смуглый* — обоснованно соотнесен не с цветом кожи, а с цветом волос

[Герберштейн С. 2008. Т. 1. С. 34, 35; Т. 2. С. 289, примеч. 35]. Но, добавил Герберштейн, «большинство считает, что “Руссия” — это измененное имя “Роксолания”». В комментарии к этим словам отмечено, что в данном случае Герберштейн косвенно указывал на трактаты Иоанна Фабри, Павла Йовия и Мацея Меховского [Герберштейн С. 2008. Т. 2. С. 289, примеч. 35]. Впрочем, возможно, в среде эрудитов XVI в. это мнение было распространено не только по созвучию, но также вследствие территориальной преемственности обитания античных роксоланов и современных русских в широко понимаемом пространстве Восточной Европы. Продолжая этимологические разыскания, С. Герберштейн к самим русским отнес мнение, в соответствии с которым «Россея» происходит от слов *разбросанность*, *рассеяние* русских среди других народов. Это мнение он подтвердил, указав слова, к тому же созвучные: «рассеянные» в Священном Писании и греч. *ῥους* — *течение*.

Древнейшее историческое прошлое *Руссии* (Russia) С. Герберштейн изложил в соответствии с летописями, начальная часть которых была близка к ПВЛ. Он написал, что не смог узнать что-либо определенное ни о хазарах, «кто они и откуда», кроме их имени из летописей, ни о варягах. Тогда Герберштейн предпринял собственные разыскания о варягах.

Он знал из летописей, что на Руси Балтийское море называлось Варяжским. Оно отделяло Пруссию, Ливонию и часть русских владений от Швеции. На основании этих сведений, написал Герберштейн в третьем латиноязычном издании 1556 г., он «думал, что вследствие близости (расстояний по морю? — М. С.) князьями их (*principes illorum*) были шведы, датчане или пруссы». В немецком авторизованном переводе по венскому изданию 1557 г. вместо выделенных курсивом слов написано иначе: «Я долгое время думал (*Hab ich lang gedacht*), что *варягами* были шведы, пруссы или датчане».

Далее С. Герберштейн продолжил изложение своих размышлений. Он отметил пограничное положение с Любеком и герцогством Голштейн некогда знаменитейшего города и области вандалов «Вагрии». В немецкоязычном издании 1557 г. он написал уже в соответствии с более поздними реалиями, что они населены славянами («*durch die Wenden bewont*»). Племенное название этих славян — вагров — он соотнес с русским названием Балтики «Варяжское море». Отсюда, по Герберштейну, следовал вывод, что варягами являлись славяне-вагры. Чтобы объяснить особое значение вагров для древнейшей истории *русских* (лат. *Rhuteni*, нем. *Reissen*), он написал, что вандалы/венеды были тогда могущественными, с теми же языком, нравами и религией, что и *русские*. Отсюда он рационалистически заключил: «<...> мне представляется, что рутенам предпочтительнее призвать своих князей из вагров, или, лучше сказать (*potius*), варягов, чем передать власть чужим, другим по своей религии, обычаям и языку».

В дальнейшем повествовании С. Герберштейн использовал при изложении событий русской истории поздний по времени написания летописный

свод. В нем указан Гостомысл, который посоветовал новгородцам отправить послов к варягам и убедить трех братьев, которые занимали там высокое положение, принять власть. В соответствии с этим поздним контаминированным текстом Рюрик получил новгородское княжество и сел в Ладоге, Синеус — на Белом озере, Трувор — в княжестве Псковском в городе Изборске. Привел Герберштейн и легендарную версию русских государей, в соответствии с которой эти братья и, соответственно, нынешний великий князь вели свой род от римлян. Но он проявил самостоятельность в определении происхождения названия города *Москва*, столицы *Руссии*. Не упоминая легендарного Мосоха, он предположил, что она названа так по реке, которая там протекает [Герберштейн С. 2008. Т. 1. С. 40–45, 286–287; перевод Малеина–Назаренко приведен с коррективами; курсив наш]. Последующее изложение событий истории Руси также является пересказом летописных сводов.

Повествование С. Герберштейна о начальной истории России имеет большое значение для истории исторических идей. Герберштейн не придавал значения распространенным в его время идеям об античных и библейских истоках руссов, рутенов и московитов, что свидетельствует о его критическом отношении к подобным сочинениям. Впрочем, он не стал критиковать их в своем труде. Видимо, как деятель эпохи Возрождения, он не намерен был публично выражать сомнение в установлении античных начал русской истории и тем самым — в политических и научных следствиях этой теории. С другой стороны, как политик, находившийся на службе католического императора, Герберштейн не мог возражать против их церковного расширения до установления ее теоретических библейских начал. Поэтому он в полной мере обоснованно использовал те сведения, которые содержались по данной теме в русских летописях, сохранивших традиции ПВЛ. Вместе с тем он должен был привести в своих «Записках о Московии» и не подвергать сомнению официальную версию московского великокняжеского дома о его римском происхождении.

Но как человек эпохи Возрождения, которому было свойственно активное творческое начало, С. Герберштейн не мог не использовать возможность самостоятельно исследовать один из сложнейших вопросов древнерусской истории — проблему определения этнической принадлежности варягов. Показательно содержание изложенных им размышлений в данной связи — замена шведов, пруссов или датчан славянами-ваграми. Раскрыл Герберштейн и основания таких изменений в своем мнении о варягах — не известия исторических источников, а логические доводы: созвучия племенного названия вагров и Варяжского моря, те же славянский язык, нравы и языческая религия. Так что, отличаясь от сторонников античных и библейских начал русской истории, он использовал такие же рационалистические методы в обосновании своей идеи о происхождении варягов из славян вагров. Это были методы, свойственные начальному этапу становления исторической науки.

Если интерес к России М. Меховского определялся изучением географии и истории Восточной Европы, описанием ее народов, С. Герберштейна — задачами политика и исследователя окружающего мира в эпоху Возрождения, то епископ Вармии и историк Мартин Кромер (1512? – 1589) писал о русской истории в связи с историей Польши. Кромер являлся епископом земли, в древности населенной поляками, в XIII в. завоеванной крестоносцами и немеченой, а после заключения Торуньского мира с Тевтонским орденом в 1466 г. включенной в состав Польши. Епископ Вармии обладал значительными светскими правами управления и суда. Он участвовал в польском сенате, подчиняясь в церковной иерархии только римскому папе. Поэтому он писал об истории Польши как крупный церковный и светский деятель, имея в виду обширное историческое пространство Центральной и Восточной Европы.

Для М. Кромера особый интерес представляла история Польши, ее этногеографическое описание, изложение ее административно-политического устройства. Поэтому наряду с многочисленными богословскими произведениями он — автор сочинения «Польша, или две книги о расположении, народах, обычаях, государственных учреждениях и государственном устройстве Польского королевства» («Polonia sive de situ, populis, moribus, magistratibus et republica Regni poloniae libri duo.». Coloniae, 1577), а также значительного по объему и содержанию труда «О происхождении и истории поляков тридцать книг» («De origine et rebus gestis polonorum libri XXX.». Базель, 1555). Этот второй труд вызвал значительный интерес в европейских странах. Он был неоднократно переиздан на латинском, немецком и польском языках.

М. Кромеру было очевидно единство славянских народов в древнейший период их истории. В соответствии с трудами византийского историка Прокония Кесарийского (ум. после 562 г.) и готского историка Иордана (VI в.) он написал об их значительном расселении в Европе, а некоторых славян — даже в Азии. Отметил он значительную близость славянских «наречий». В этих и последующих наблюдениях он учитывал также труды Я. Длугоша и М. Меховского.

Обращаясь к вопросу о происхождении этнического имени славян, М. Кромер не без иронии отметил, что некоторые народы, начала которых неизвестны или незначительны, приписывают себе древнее происхождение и возводят свое прошлое к вымышленным богам или к кораблю Ноя. Конкретизируя историю и географию расселения древних славян, он написал об отличиях славян от вандалов, германцев и далматинского населения Иллирии. Рассматривая этимологию названия славян от *слово* или *слава*, Кромер отметил также их итальянское название *склавы*, сходное со словом *рабы*. Впрочем, определяющим для него являлось в этнониме славян слово *слава*.

Под влиянием сочинения М. Меховского М. Кромер рассматривал древнейшую историю Восточной Европы и славян как историю Азиатской и Европейской Сарматии, придавая особое значение расселению сарматов

в Северном Причерноморье. В этой связи он вернулся к известиям античных авторов о сарматском народе роксоланов, имя которых, по его словам, «не очень отличается от имени Руссов или Руссиян» («*Tametsi Roxanorum sive Rovolatorum nomen, quod Russorum vel Russianorum nomini non valde dissimile est*»). Привел он и слова Страбона о том, что роксоланы обитают на равнинах между Танаисом (Доном) и Борисфеном (Днепром) и занимаются скотоводством, но кто находится за ними (к северу) — неизвестно [*Kromer M. 1555. P. 1–16*].

Двенадцатую главу своего труда М. Кромер посвятил наименованию и происхождению руссов. Состояние научных знаний на эту тему в западной исторической литературе XVI в. он характеризовал откровенно: «Если же кто впредь спросит, с какого времени руссы начали обитать в Сарматии, откуда они прибыли и откуда они приняли [свое] имя, откровенно признаюсь, что я не знаю, сколь усердно я не исследовал бы [этот вопрос]». Он упомянул распространенное в западнохристианской литературе мнение об указании в главах 38 и 39 книги пророка Иезекииля князей Роса, Мосоха и Тубала народа Гог. Перечень последующих авторитетных писателей, согласных с этим мнением, он начал со знаменитого церковного деятеля, первого историка церкви кесарийского епископа Евсевия Памфила (263–340). Но тут же заметил, что один из отцов церкви Иероним (330–419), который перевел Священное Писание на латинский язык (Вульгата), в таком мнении сомневался. Вместо слова *Рос* (правильно *Рош*. — М. С.) Иероним писал в своем переводе — *голова*. Поэтому Кромер вернулся к уже ранее приведенному им мнению о существовании «руссов или роксоланов» в Сарматии. Ссылаясь на труд С. Герберштейна, он допустил, что название руссов могло произойти от древнего города Руссии Русы. Он указал, что происхождение таких названий народов от незначительных городов известно. Но потом эти народы доблестью и оружием распространяли свое имя.

М. Кромер привел распространенное мнение, в соответствии с которым в «русских анналах» сообщается о начале «господства руссов» в Великом Новгороде, Белоозере и Изборске с «братьев варягов» Рюрика, Синеуса и Трувора. Но историка эпохи Возрождения не удовлетворяло такое летописное сообщение о названии и происхождении русского народа и государства. Поэтому он продолжил: «Если кто этим не удовлетворен или будет подыскивать более высокое происхождение [этого] народа, я считаю, ничто не может запретить полагать (*nihil opinor prohibet credere*), что поляки и все прочие славяне являются сарматами, в особенности, как уже установлено, болгары, сербы и роксаны есть сарматские народы» [*Kromer M. 1555. P. 18–19*].

Таким образом, труд М. Кромера, посвященный изучению происхождения и истории поляков, в изложении древнерусской истории существенно отличался от сочинений своих предшественников. Обращение к важнейшим известиям Прокопия Кесарийского и Иордана позволило Кромеру научно

обоснованно отметить обширнейшую территорию расселения славян в VI в. Он конкретно начал изучать отличия славян от других этносов Центральной и Восточной Европы. Его ироничное и критическое отношение к мнимым генеалогиям, возводившим народы и их правителей-эпонимов к библейским предкам, объективная характеристика степени изученности проблемы происхождения и имени руссов создавали условия для начала научного их изучения. Но система исторических взглядов эпохи Возрождения оказала на Кромера определяющее воздействие, так что он продолжил в своем сочинении уже традиционные этногенетические связи славян с европейскими народами античного периода: славян — с сарматами, а русских — с сарматским племенем роксоланов.

В определенной мере обобщением написанного о средневековой Руси в польской историографии конца XV–XVI в., а также в «Записках о Московии» С. Герберштейна, стал труд Мацея Стрыйковского «Хроника польская, литовская, жмудская и всей Руси», написанная на польском языке и изданная в 1582 г.

М. Стрыйковский родился в 1547 г. в Мазовии, в обедневшей дворянской семье. По мнению исследователей, в середине — второй половине 60-х гг. он учился в Краковском университете. Однако З. Войтковяк считает, что он закончил лишь приходскую школу, достигнув значительных познаний в истории и географии самообразованием, хорошо выучив латинский, русский, немецкий и литовский языки [Wojtkowiak Z. 1990. S. 22–51].

В 1563–1573 гг. М. Стрыйковский находился на военной службе в Литве. Это были годы Ливонской войны. Несколько лет он служил в Витебске и много ездил по землям Великого княжества Литовского (З. Войтковяк предположил участие Стрыйковского в разведке на границе с Россией), где имел возможность собирать материалы о его прошлом, в частности, изучать летописи. В 1574 г. он приехал в Краков, столицу Польши того времени, где был включен в состав польского посольства, отправленного в Турцию в сентябре того же года и вернувшегося в апреле 1575 г.

Но в Кракове М. Стрыйковский не остался. В 1575 г. он выехал в земли Великого княжества Литовского, с 1569 г. пребывающего в составе объединенного польско-литовского государства. В 1575–1576 гг. он находился в Подляшье, территория которого в Дрогичинской земле была населена потомками древнерусского населения, в 1576–1578 гг. — во владениях князей Олельковичей, в городах Копыле и Слуцке.

В научной литературе существует мнение, что в 1579 г. М. Стрыйковский стал жмудским каноником. Но, по наблюдениям З. Войтковяка, он первоначально обладал низшим церковным саном (acolitus) и был членом капитула в городе Медники, в древности — месте резиденции великих князей литовских. В 1582 г. Стрыйковский стал приходским священником в Лукниках, а в 1586 г. — жмудским каноником и пресвитером в Юрборке, городе

на р. Неман, который имел большое стратегическое значение для Великого княжества Литовского в его отношениях с Пруссией. Эти земли хранили в легендах память о древнейшей истории литовских племен.

Умер М. Стрыйковский, вероятно, между 1587 и 1590 гг. [*Wojtkowiak Z.* 1990. S. 52–98, 121–140; см. там же литературу].

М. Стрыйковский — автор нескольких литературных и общественно-политических произведений, обязательной составляющей которых являлись исторические экскурсии, но какие из сочинений конкретно принадлежат его перу — этот вопрос обсуждается. Вероятно, в 1570–1573 гг. он написал свое первое сочинение, посвященное истории — «Описание Европейской Сарматии». Впрочем, оно было присвоено начальником витебского гарнизона веронцем Александром Гваньини и издано под его именем. Обвинил его в плагиате сам Стрыйковский, так что дискуссия об авторстве этого сочинения и о степени участия в нем Гваньини ведется постоянно [*Biernacki A.* 1979. S. 657–660; *Wojtkowiak Z.* 1990. S. 179–180].

Основным трудом М. Стрыйковского, который сделал его знаменитым, стала его «Хроника», изданная в Кенигсберге в 1582 г. Значительную роль на начальном этапе работы над ней в 70-е гг. и в обеспечении его историческими материалами сыграли Ян Иеронимович Ходкевич и его двоюродный брат Александр. Но в конце этого десятилетия Стрыйковский переехал ко двору князя Юрия Юрьевича Олельковича Слуцкого, где он редактировал свой труд. После смерти князя в 1578 г. Стрыйковский продолжил работу над «Хроникой» при значительном содействии своего нового покровителя жмудского епископа Мельхиора Гедройца [*Wojtkowiak Z.* 1990. S. 129–140].

М. Стрыйковский использовал в «Хронике» труды своих предшественников — Я. Длугоша, М. Меховского, М. Кромера, С. Герберштейна, русские летописи и польские хроники. Сопоставляя их сведения, в том числе и о Руси, он критически к ним относился. Античную топонимику он соединил в своем произведении с современной. Общую историческую концепцию предшественников Стрыйковский сохранил, хотя и дополнил собственным повествованием и заимствованиями. А.И. Рогов обоснованно отметил, что «труд Стрыйковского явился в известной мере итогом развития польской историографии XVI в.» [*Рогов А.И.* 1966. С. 6–46].

Идеи о восхождении предков к библейским временам, о переселении сарматов из Азии и происхождении московитов от Мосоха М. Стрыйковский распространил на предков литовцев, происхождение которых объяснил как потомков сыновей Иафета. Как он написал, предки литовцев пришли из Восточной Азии. Первоначально они поселились севернее Азовского моря, а потом переселились в северные страны. Но они являлись частью общего движения переселений многих народов, для которых Меотида (Приазовье) являлась временной зоной расселения, — немцев, гетов, бастарнов (вастарнов),

даков, аланов и других. Как следствие этого он отметил близость границ немцев, готов, сарматов, вастарнов в последующем расселении. Но сарматы для Стрыйковского вслед за историографической традицией — также обобщающее название древних народов, в частности славян. Восточных сарматов и хенетов (?) в качестве славянских народов он возвел к Рифату, второму сыну Гомера, внуку Иафета.

Разумеется, сложнейшую этнокультурную историю Центральной и Восточной Европы эпохи Великого переселения народов исследовать в XVI в. было невозможно. Проблемы ее изучения дискутируются до сих пор. Но достоинством работы Стрыйковского является то, что он постоянно стремился учитывать расселение и взаимодействие германских, славянских и других народов, включая литовцев и жмудь. В данной связи он привел и существовавшее тогда в Литве мнение, в соответствии с которым жмудские и литовские дворяне считают свое происхождение от итальянцев, подобно тому как итальянские дворяне — от троянцев [Kulicka E. 1980. S. 12–19], а простые люди — потомки епидов (гепидов?), судовитов или толянов, или аланов, подобно тому как в Италии считалось, что они происходили от местного населения.

В продолжение такого этнокультурного определения социальных различий М. Стрыйковский включил в свою «Хронику» вымышленное литературно-историческое сказание о римском патриции Полемоне из древнего римского рода Порциусов — предке князей литовских, жмудских и «некоторых русских». Это сказание имело политическое и идеологическое значение. Оно должно было значительно повысить статус князей Великого княжества Литовского по отношению к правителям Польши после Люблинской унии 1569 г.

Обратившись в четвертой книге своей «Хроники» к русской истории, М. Стрыйковский использовал, как он сам написал, древнегреческие и византийские исторические произведения, а также труды латинских, польских, русских и немецких историков. Стрыйковский хорошо знал те русские летописные своды, которые излагали начальную историю Руси. Но ее истоки он изложил в соответствии с современными ему историческими сочинениями как историю сарматского народа от колена библейского Ноя, от Мосоха, сына Иафета, и от потомков его Роса, Леха и Чеха, объединив разные по происхождению, но в равной мере легендарные представления. Начиная повествование о Москве, он указал мнение С. Герберштейна о происхождении ее названия от реки, но оно Стрыйковского не удовлетворило. Он вернулся к мнению Кромера о связи ее названия с мосхами, указывая на их изначальное существование по соседству или под названием руссов, или роксолан.

М. Стрыйковский не сомневался в происхождении этнонима *славяне* от слова *слава*, указав, кроме славы славянских народов, славянские имена, составной частью которых это слово является. Ссылаясь на античных авторов Птолемея, Юлия Салина и Плиния, но не на предшественников-историков, он написал, что греческие и латинские авторы называли северные народы

скифами и сарматами. В отличие от них Стрыйковский, явно следуя за Меховским и Кромером, указал на совпадение античных названий роксаланов и роксанов с русскими и Русью, на существование их поселений и государства недалеко от моря Меотис, куда впадает Танаис, или Дон, а сами они живут на равнинах между Доном и Днепром, а кто «над ними», т. е. к северу от них живет, неизвестно. Впрочем, он дополнил уже введенные ими в литературу сведения сообщениями Страбона о том, что роксаны воевали с понтийским царем Митридатом Евпатором (132–63 гг. до н. э.), и Тацита о нападении сарматского племени роксаланов в правление императора Оттона Сальвия (69 г. н. э.) на римскую провинцию Мисию, которую он отождествил с землей современных ему болгар.

Вслед за М. Кромером М. Стрыйковский написал: «Почему роксоланы назвались русскими, узнать невозможно». Учитывая опыт предшественников и мобилизовав все известные тогда материалы, он привел ошибочное прочтение имени *Рос* в книге пророка Иезекииля и написал об отрицании его святым Иеронимом. Отметил Стрыйковский также различия между названиями руссов и россов. Но своего ответа на эти вопросы он не дал, оставляя его «умному размышлению разумных людей», ссылаясь на Длугоша и Меховского.

М. Стрыйковский отметил также мнение польских хронистов о названии Русской земли по имени Руса, внука или брата Леха и Чеха. Перечислил он объяснения названия Руси и русских от роксалан, от русого (красного) цвета тела или волос, от городка Русы, находящегося, по его сведениям, в 60 верстах от расположенного к северу Великого Новгорода. Но против последнего мнения он решительно возразил, поскольку, по словам, «не господин назван по имени созданного его руками дома, но дом назван по имени господина». Поэтому не городок Руса дал название русскому народу, а наоборот, народ так назвал созданный его руками городок. Развивая эту мысль, он написал, что Московия названа не по реке и не по городу, а, наоборот, они названы по народу московскому, как Краков — от Крока, Рим — от Ромула, Антиохия — от Антиоха, Ниневия — от Нинуса и т. д. Но, продолжил М. Стрыйковский, «московиты и все белорусы» не согласны с таким объяснением своего названия и происхождения. Они утверждают, что Россия и русские народы и в древности назывались Россией, т. е. людьми, рассеянными и умноженными на обширных частях света. В подтверждение этой мысли он написал, что в этом мнении московиты совпадают с древними греческими авторами, которые писали о сарматах как о переселяющихся с места на место, как о спорах, т. е. рассеянных и умноженных.

Для М. Стрыйковского вопрос о происхождении Руси и «прочих русских народов», т. е. славянских племен, которые вошли в состав Руси, не был главным. Основное для него — использование ими славянского языка и принадлежность к христианской вере. При этом Стрыйковский лишь указал, что одни славянские народы, включая Московию, принадлежат к Греческому

церковному уставу, а другие — к учению Римской церкви. Как человек ренессансной культуры, он не придавал особого значения различиям этих конфессий.

Конкретное изложение истории Руси М. Стрыйковский начал с сообщения по Длугошу о взятии Рима русским князем Одоакром. Впрочем, стремясь к объективности, он привел возражение этому мнению Волатерана, в соответствии с которым Одоакр — итальянец и овладел Римом с помощью готов. Но Стрыйковский от данной проблемы отстранился. Более важным для него стало повествование в соответствии с русским летописанием, продолжавшим в начальной историко-географической части традиции ПВЛ, о расселении славянских народов и племен, которые вошли в состав Руси. Впрочем, это были поздние летописные своды, в которых уже шла речь о Гостомысле, избранном князем в Великом Новгороде.

В такой текст М. Стрыйковский включил заимствования из «Записок о Московии» С. Герберштейна, которого он не назвал, но идеи и стилистику его размышлений о происхождении варягов сохранил. По словам Стрыйковского, город Вагрия чрезвычайно знаменит с давних пор. Он основан вандалами недалеко от Любека, и некоторые думают, что от этого города Балтийское море называется Варяжским. По мнению некоторых историков, продолжил Стрыйковский, вандалы использовали тот же славянский язык. Они были богаты в своих странах и отличались воинской храбростью. Так что Стрыйковский завершил этот экскурс: «Представляется, дело было таким образом, что в то время из тех же вагров или варягов и вандалитов в своем славянском народе Русь выбрала себе князей и вручила им управление над русским государством».

В изложении последующих событий М. Стрыйковский соединил разновременные материалы и собственные суждения. В «Руси, находящейся на юге» он установил в отличие от ПВЛ преемственность княжеской власти от Кия до Аскольда и Дира, которых назвал потомками Кия. В северных и восточных землях княжеская династия произошла иначе. Вследствие внутренней розни и борьбы за первенство славный, рассудительный и достойный великой похвалы муж Гостомysl посоветовал: поскольку нет согласия в избрании князя, послать к варягам за тремя братьями, князьями варяжскими, славными тогда мужеством воинским. Как написал Стрыйковский, Русь похвалила мудрый совет Гостомысла и отправила послов к варягам и их князьям. Возвращаясь к летописному тексту, он продолжил повествование, но в собственном изложении: «Земля и государство наше велико и изобильно, но нет в нем правды. Идите, властвуйте и владейте нами».

М. Стрыйковский указал княжения в Новгороде, Белоозере и Пскове, которые получили Рюрик, Синеус и Трувор. Вероятно, используя данные разведки, он привел также расстояние между Новгородом и Псковом в 180 верст. Стрыйковский сообщил своим читателям со ссылкой на «рус-

ские хроники», что эти князья вели свое происхождение от «римских панов» императорского происхождения. А далее продолжил, что и великие князья московские и князь Иван Васильевич (Грозный) считают свой род от римлян. Такое происхождение московских князей он здесь же на поле страницы подтвердил ссылкой на Герберштейна.

Последующее изложение русской истории М. Стрыйковский продолжил в своей «Хронике», привлекая, как и в ранее изложенных текстах, многочисленные материалы источников и литературы самого разного происхождения, но внося коррективы в соответствии со своими представлениями.

Таким образом, в польской и австро-немецкой литературе эпохи Возрождения и в трудах эрудитов XVII в. на основании сопоставления этнополитической современной истории и античной в их преемственности сложились устойчивые представления о том, что славяне, прежде всего поляки и русские, восходят к сарматам, тогда как другие народы — к скифам. Само название *славян* разъяснялось посредством слова *слава*. Объяснение происхождения современных названий западных и восточных славян, кроме народной этимологии, возводившей их к Леху, Чеху и Русу, имело тенденцию к вариационности. Но определяющее значение в нем имели созвучия. Возведение названия *России*, *русских* к сарматскому племени *роксоланов* и близких к ним по названиям племен основывалось на сообщениях античных авторов, что имело для литературы XVI–XVII вв. научное содержание в отличие от этимологий от *рассеянные*, города Руса или реки Рось. В продолжение этой традиции новая политическая реальность — Русское государство со столицей в Москве, названное на Западе Московия, — исторически объяснялась как продолжение античных и библейских мосхов (москов), потомков Мешеха (Моска, Мосха), шестого сына Иафета. Впрочем, и объяснения названий *России*, *русских* были дополнены поисками по созвучиям в библейских *Рош* → *Рос* пророка Иезекииля. В этой литературе эпохи Возрождения и трудах эрудитов XVII в. (С. Герберштейн, М. Стрыйковский) известные по русским летописям и византийским хроникам варяги были отождествлены с прибалтийским славянским племенем вагров на основании созвучий и логических доводов — единство с древними русскими (восточными славянами) религии, обычаев, языка.

5. Российские исторические сочинения второй половины XVII в.: от Средних веков к Новому времени

В России второй половины XVII в. были предприняты многочисленные опыты свойственного средним векам сочинительства на исторические темы. В «Сказании о начале русских князей» было написано, что «Русь» и «славяне» — один «род», как в польской и австро-немецкой исторической литературе.